

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
АНДРЕ МОРУА
в серии
«Азбука Premium»:

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ
СЕНТЯБРЬСКИЕ РОЗЫ
ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ
ПРОМЕТЕЙ,
ИЛИ ЖИЗНЬ БАЛЬЗАКА
ТРИ ДЮМА

АНДРЕ МОРУА

Три Дюма

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
М 80

André Maurois
LES TROIS DUMAS
Copyright © 2006, The Estate of André Maurois,
Anne-Mary Charrier, Marseille, France

Перевод с французского
Ларисы Беспаловой и Серафимы Шлапоберской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © Л. Г. Беспалова, перевод, комментарии, 1962
- © С. Е. Шлапоберская (наследник), перевод, комментарии, 1962
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16274-7

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА¹

Мало есть имен более известных миру, чем имя Дюма-отца. В любой стране читали его книги и продолжают их читать. Поэтому мне нет необходимости оправдывать свой выбор. Изучая жизнь Жорж Санд и Виктора Гюго, я натолкнулся в процессе работы на новые документы, — и мне пришлось добавить к моей галерее романтиков портрет Александра Дюма. Критики поколения Думика — Брюнетьера, признавая в нем человека, наделенного недюжинными природными способностями, отказывали в таланте его произведениям. Прекрасная книга господина Анри Клуара возвратила Дюма его законное место в истории французской литературы.

Его обвиняли в том, что он забавен, плодовит и рачителен. Неужели для писателя лучше быть скучным, бесплодным и скаредным? Рубеж, отделяющий в наши дни литературу серьезную, которую только и уважают уважением, от литературы развлекательной, в прежние века не существовал. «Мольер вышел из балагана, — пишет Роже Кайуа, — и без труда перешел от простонародного фарса к придворной комедии. Бальзак обычно публиковал свои романы в газетах, позднее так же будут поступать Диккенс и Достоевский. Гюго на протяжении всей жизни умел завоевывать и сохранять любовь самой широкой аудитории». Гомер был поэтом для всех.

Бальзака, Диккенса или Толстого совершенно заслуженно ставят выше Дюма, и я со своей стороны их пред-

¹ См. комментарии в конце книги.

почитаю, но это не мешает мне сохранять горячую любовь к писателю, который был отрадой моей юности и в котором я и поныне люблю силу, жизнерадостность и душевную щедрость. Гюго ставил его в один ряд с лучшими писателями своего времени. «Ты уходишь от нас вслед за Дюма, Ламартином и Мюссе», — писал он в «Надгробии Теофилю Готье». Значит, автор «Отверженных» не считал, что писатель унижает себя, если его читают больше пятисот человек. Прибавим, что в жизни Дюма было не меньше приключений, чем в его романах. А это подлинное наслаждение для биографа.

Некоторым читателям, возможно, покажется странным, что я уделил так много внимания в этой работе Дюма-сыну. «Какой Дюма?» — спрашивал Анри Клуар и отвечал: «Единственный», имея в виду Дюма-отца. Я надеюсь, что мне удастся побудить этого столь справедливого критика пересмотреть свою точку зрения. Жизнь Дюма-сына малоизвестна. Я привлек множество ранее не публиковавшихся документов. Его переписка, гораздо более обширная, чем у Дюма-отца, поможет читателю лучше узнать его. Я надеюсь, она позволит понять, почему он не мог не написать тех пьес, которые изумляют, а иногда и шокируют зрителя наших дней.

На самом деле отец и сын вопреки видимости были очень близки. Оба унаследовали какие-то черты генерала Дюма. Обоим пришлось с ранних лет бороться против жестокой несправедливости. Дюма-отец много страдал из-за расовых предрассудков, Дюма-сын — из-за незаконного происхождения. Обоим пришлось доказывать себе, что они ничуть не хуже, а даже лучше других. Их любимые герои — Вершители Правосудия: мушкетеры у Дюма-отца, моралисты у Дюма-сына.

У отца «очищение от страстей» достигается путем отказа считаться с реальностью. Его называли хвастуном, вралем, но, по-видимому, он, как и Бальзак, не мог отделить реальное от воображаемого. Судьба отца служила

постоянным уроком сыну. Расточительный отец породил бережливого сына, отец легкомысленный — сурового резонера. Дюма-сын решил после бурно проведенной юности перестроить жизнь в соответствии со своими принципами. Он потерпел неудачу, и в этом заключается драма его жизни. Дюма-сын разыгрывал в жизни одну из драм Дюма-сына. Я постарался нарисовать точный портрет этого раздираемого противоречиями человека.

Я должен выразить свою признательность множеству лиц. Незнакомые мне люди, узнав, что я пишу книгу о семействе Дюма, любезно прислали мне бесценные документы, ранее не публиковавшиеся. Александр Липпманн, внук одного Дюма и правнук другого, разрешил мне ознакомиться с дневником его отца. Госпожа Балашовская-Пети, которой меня представил мой любезный коллега и друг Эмиль Анрио, подарившая в свое время Национальной библиотеке бумаги Дюма-сына, великодушно открыла передо мной свое частное собрание, точно так же как и госпожа Сенкевич, госпожа Руссо, госпожа А. Дюмениль, Франсис Амбриер, господин Альфандери, господин Альфред Дюпон, госпожа Прива, господин Даниэль Тиро, господин Рауль Симонсон, господин Жозе Камби и десятки других. Люсьена Жюльен-Каин любезно перевела для меня некоторые тексты, опубликованные в России. Национальная библиотека, библиотека Арсенала и куратор собрания Шпельберх де Ловенжуль оказывали мне всяческую помощь. Архивы Суассона, Лаона и Вилле-Коттре дали мне возможность познакомиться с документами, проливающими свет на военную карьеру генерала Дюма. И наконец, моя жена, как и обычно, была моим вторым я.

А. М.

Часть первая

ВИЛЛЕ-КОТТРЕ

Послушайтесь моего совета: женитесь на негритянке с Вест-Индских островов. Из них выходят прекрасные жены.

*Бернард Шоу.
Дом, где разбиваются сердца*

Я собираюсь проследить на судьбе трех поколений, как последовательно менялся необыкновенный темперамент, родившийся от союза французского дворянина и черной рабыни из Сан-Доминго. Три человека, о жизни которых я расскажу, обладали, хотя и в разной мере, одними и теми же достоинствами (как бы различно они ни проявлялись): силой, храбростью, рыцарственной самоотверженностью, ненавистью к подлецам — и одним и тем же недостатком: тщеславием, порожденным мечтой об отмщении. Но мало знать темперамент человека, чтобы понять его судьбу: темперамент лишь канва, по которой вышивают свои узоры события и воля. Итак, перед вами мой памятник трем Дюма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой драгун полка королевы за три года становится генералом Республики

В 1789 году, вскоре после взятия Бастилии, жителей маленького городка Вилле-Коттре, расположенного к северу от Парижа, на пути из Суассона в Лаон, встревожили слухи о крестьянских бунтах и грабежах. Городок этот славился красивым замком эпохи Возрождения, принадлежавшим некогда королевской семье. Людовик XIII подарил этот замок вместе с герцогством Валуа своему брату, и с тех пор им владели герцоги Орлеанские, то есть младшая ветвь Бурбонов. Людовик XIV часто приезжал туда поухаживать за любезной его сердцу невесткой Генриеттой Английской, которую ее муж Филипп Орлеанский совершенно забросил, чтобы без помех предаваться наслаждениям со своим фаворитом шевалье де Лорреном. Позже король привез туда Луизу де Лавальер и представил фаворитку мадам Генриетте, которой пришлось с почестями принимать у себя в доме свою бывшую фрейлину.

1 сентября 1715 года сын Филиппа Орлеанского и Генриетты, тоже Филипп Орлеанский, стал регентом Франции. И на целых восемь лет Вилле-Коттре превратился в пристанище повес и распутников, составлявших двор регента. «Замок, — пишет Сен-Симон, — стал ареной диких оргий и пиров, на которых гости — и мужчины и женщины — ходили голыми». Из письма госпожи де Тансен мы узнаем, что эти сборища назывались «ночами Адама и Евы». Герцог Ришелье рассказывает:

По знаку мадам де Тансен, предводительницы пиршеств, сразу после шампанского тушили огни, и обнаженные сотрапезники предавались бичеванию, на ощупь отыскивая друг друга в кромешной тьме; гости покорно повиновались установленному распорядку, что немало забавляло его высочество. Безудержная любовь к наслаждениям передалась слугам замка и даже горожанам Вилле-Коттре, чьи нравы становились все более распущенными. Нередко случалось, что регент приглашал на свои празднества и ужины именитых жителей Вилле-Коттре, которые не смели ему отказать, челядь всех рангов и званий, а то и простых садовников...

Об этих оргиях следует напомнить потому, что их влияние на местные нравы сказывалось еще спустя полвека, и этим отчасти объясняется та циничная и наивная терпимость, с которой Дюма-отец всегда относился к распутству. Однако пребывание двора в маленьком городке принесло ему процветание. Судьи, судейские чиновники и приближенные Орлеанского дома построили себе красивые особняки. Прекрасный лес, где охотился и завтракал на траве Людовик XIV, привлекал любителей прогулок. Приезжих было так много, что в городе безбедно существовали владельцы тридцати трактиров и гостиниц. Одна из гостиниц, под вывеской «Щит», принадлежала Клоду Лабуре, бывшему дворецкому его королевского высочества герцога Орлеанского.

Благодаря такому прошлому Лабуре пользовался особым авторитетом. Поэтому, когда разразилась революция, он стал командиром местного отряда национальной гвардии. Вилле-Коттре, городок мирный и зажиточный, имел все основания бояться грабителей, рыскавших, по слухам, в окрестностях. Офицеры гражданской милиции попросили правительство Людовика XVI прислать солдат для защиты города. Драгунский полк королевы, расквартированный в Суассоне, отрядил двадцать кавалеристов, которые прибыли в Вилле-Коттре 15 августа 1789 года. Все окрестные жители собрались на пло-

щади у замка, чтобы полюбоваться драгунами, красовавшимися во всем великолепии своих мундиров. Один из них больше других привлекал к себе взгляды. Это был статный мулат с бронзовой кожей; изящество движений придавало его могучей фигуре аристократизм.

Когда солдат распределяли на постой, Мари-Луиза Лабуре попросила отца, который, как командир национальной гвардии, имел право выбора, взять к себе красавца-мулата.

Мари-Луиза Лабуре — своей подруге Жюли Фортен:

Драгуны, которых мы так долго ждали, прибыли позавчера... Приняли их очень тепло и охотно разобрали по домам. Мой отец остановил свой выбор на одном цветном молодом человеке из этого отряда; он очень мил. Зовут его Дюма, но товарищи говорят, что это не настоящая его фамилия и что он будто бы сын знатного дворянина из Сан-Доминго... Он такой же высокий, как кузен Прево, но манеры у него лучше, так что, как видишь, моя милая и добрая Жюли, это очень славный молодой человек...

Хозяева сразу же полюбили Дюма: добротой он был так же щедро наделен, как и силой. Командиры Дюма сообщили Лабуре, что солдат этот — сын маркиза и что настоящее его имя Дюма Дави де ля Пайетри, что соответствовало истине. Отец его, бывший полковник и генеральный комиссар артиллерии, потомок нормандского дворянского рода и маркиз милостью короля, в 1760 году отправился на острова, решив попытать счастья на Сан-Доминго. Он купил плантации в западной части острова, неподалеку от мыса Роз, и там 27 марта 1762 года от чернокожей рабыни Сессеты Дюма у него родился сын, которого при крещении нарекли Тома-Александр.

Мы не знаем, была ли потом рабыня возведена в ранг супруги. Ее внук уверяет, что была. Однако, если вспомнить нравы и обычаи того времени, брак этот представляется маловероятным: нет ни одного документа,

который бы его подтверждал, но нет и ни одного, который позволил бы его отрицать. Молодая женщина управляла хозяйством маркиза. Тот признал ребенка и привязался к маленькому мулату, живому и сообразительному.

В 1772 году чернокожая мать умерла. Ребенок сначала воспитывался у отца в Сан-Доминго, но в 1780 году маркиз де ля Пайетри, с тоской вспоминая о соблазнах столичной и придворной жизни, вернулся в Париж. Согласно обычаю, французские плантаторы-дворяне, возвращаясь во Францию, сыновей смешанной крови брали с собой, дочерей оставляли на островах. Молодому мулату было тогда 18 лет. Цвет кожи придавал ему экзотический вид; черты лица у него были правильные, глаза великолепные, фигура стройная, а кисти рук и ступни — изящные, как у женщины. Его принимали в свете: ведь он был сын маркиза; смолodu он пользовался большим успехом у женщин. Он поражал своей силой: однажды вечером в опере какой-то мушкетер, войдя в ложу, где сидел Дюма, оскорбил его; молодой Дюма Дави де ля Пайетри схватил обидчика и швырнул его через перила прямо на зрителей партера. Засим последовала дуэль, на которой он ранил своего противника, потому что был так же искусен в фехтовании, как и во всех телесных упражнениях.

И все же юному островитянину жилось в Париже несладко. Маркиз, крепко державшийся за свою мошну, давал ему мало денег. В 79 лет он женился на своей экономке Франсуазе Рету. Тогда сын, доведенный до крайности, решил завербоваться в королевскую гвардию.

— Кем? — спросил его отец.

— Простым солдатом.

— Превосходно! — сказал старик. — Но я, маркиз де ля Пайетри, бывший полковник, не могу допустить, чтобы мое имя трепали среди всякого армейского сброда. Вам придется завербоваться под другим именем.

— Согласен. Я завербуюсь как Дюма.

И под этим именем он поступил в драгунский полк королевы.

В полку он быстро прославился своими геркулесовыми подвигами. Никто, кроме него, не мог, ухватившись за балку конюшни, зажать лошадь в шенкелях и подтянуться вместе с нею; никто, кроме него, не мог, засунув по пальцу в четыре ружейных дула, нести на вытянутой руке все четыре ружья. Этот атлет читал Цезаря и Плу-тарха, но он завербовался под простонародной фамилией, и потребовалась революция, чтобы его произвели в офицеры.

В августе 1789 года, в те дни, когда Лабуре оказывали Дюма самое радушное гостеприимство в гостинице «Щит», революция уже началась, но никому и в голову не приходило, что она зайдет настолько далеко и уничтожит освященные веками правила производства в офицеры.

Мари-Луизе Лабуре, девушке серьезной и добродетельной, понравился красивый и великодушный молодой человек, которого делало неотразимым сочетание незаурядной силы, красивого мундира и таинственного происхождения. Когда молодые люди открылись хозяину гостиницы во взаимной любви и выразили желание пожениться, Клод Лабуре поставил им единственное и весьма скромное условие: свадьба будет сыграна, как только Дюма получит чин капрала.

В конце года драгун вернулся в полк. Нашивки капрала он получил 16 февраля 1792 года. Как и большинство молодых мулатов благородного происхождения, а их в те времена во Франции было немало, Дюма решительно стал на сторону революции. Ведь только она позволяла ему надеяться на уравнивание в правах. По всей стране формировались полки добровольцев. Знаменитый шевалье де Сен-Жорж, который, как и Дюма, был смешанной крови, личность широко известная в конце XVIII века, мушкетер, композитор и, по мнению принца Уэльского,

«самый обворожительный из всех „цветных“ джентльменов», тоже был покорен новыми идеями; он сформировал Легион свободных американцев и стал его командиром. Он предложил Дюма чин субалтерна. Другой офицер, полковник Буайе, наслышанный о храбрости молодого драгуна, пообещал сделать его лейтенантом. Сен-Жорж набавил цену и зачислил Дюма капитаном. Дюма сразу же умножил список своих подвигов, один захватив в плен тринадцать вражеских стрелков. Короче говоря, 10 октября 1792 года его произвели в подполковники.

Военный министр — гражданину Дюма, подполковнику:

Сим извещаю Вас, сударь, о Вашем назначении на вакантную должность подполковника кавалерии Легиона свободных американцев... Вам надлежит вступить в должность не позднее чем через месяц по получении сего письма, в противном случае сочтут, что Вы отказались от должности, и вместо Вас будет назначен другой офицер...

Временно исполняющий обязанности военного министра
Лебрен.

Таким образом, драгун, отправившийся на войну с мечтой о чине капрала, стал в тридцать лет подполковником. Он с лихвой выполнил обещание и завоевал свою прекрасную невесту. Свадьба состоялась 28 ноября 1792 года в мэрии Вилле-Коттре. Свадьба на скорую руку: типичная свадьба офицера и дочери именитого горожанина. Свидетели: подполковник Эспань и лейтенант де Без из 7-го гусарского полка, расквартированного в Камбре, Жан-Мишель Девиолен, инспектор вод и лесов, родственник Лабуре, полномостный хозяин во владениях герцога Орлеанского и госпожа Франсуаза Рету, вдова Дави де ля Пайетри, мачеха жениха. Медовый месяц: семнадцать дней в гостинице «Щит» — потом новобрачному пришлось отправиться вдогонку за полком, оставив дома беременную супругу.

Северная армия: 30 июля 1793 года Дюма производят в генералы, 3 сентября того же года «цветной» становит-

ся дивизионным генералом. А семь дней спустя Мари-Луиза Дюма разрешилась от бремени девочкой, которую назвали Александрина-Эме. Эпические времена, когда армия делала генералов быстрее, чем женщины детей.

Но революция не особенно церемонилась со своими генералами и перебрасывала их с места на место, как мячики. Получив назначение на пост главнокомандующего Пиренейской армией, влюбленный муж, проезжая через Вилле-Коттре, смог пробыть там всего четыре дня.

*Клод Лабуре — своему другу Данре де Фавролю,
20 сентября 1793 года:*

Генерал прибыл к нам 15-го и уехал от нас 19-го, то есть вчера, в почтовой карете. Через несколько дней он будет в Пиренеях. Дитя чувствует себя хорошо, Мари-Луиза тоже. При супруге она держалась очень мужественно и дала волю слезам лишь после его отъезда; сегодня она снова взяла себя в руки. Она утешает себя мыслью, что все эти жертвы идут на благо нации. Пожалуйста, пришли мне в четверг дюжину цыплят. Мне придется угощать офицеров, которые приедут из округа инспектировать бывший замок...

Теперь и лес, и замок, столь дорогие герцогам Орлеанским, стали именовать бывшими так же, как и их владельцев.

По разным военным документам можно было бы проследить за всеми перебросками мячика, но это и скучно, и бесплодно. Комиссары Республики, откомандированные в действующие армии, не любили генералов. Свои письма они обычно заканчивали: «С братским приветом», но относились к ним отнюдь не по-братски, особенно если генерал, как Дюма, был либерален с гражданским населением. После того как он приказал изрубить на дрова гильотину, его окрестили Человеколюбцем. Байоннские комиссары встретили вновь прибывшего генерала, посланного им Комиссией по организации и перемещению войск, весьма неприветливо и потребовали убрать его. Комиссия, не пользовавшаяся авторитетом, покори-

лась и вскоре перебросила Дюма с поста главнокомандующего Пиренейской армией сначала в Вандею, а потом в Альпы, где он, как всегда, совершал подвиги, достойные героев древнего эпоса. С отрядом в несколько человек захватил гору Мон-Сени, где засели австрийцы, вскарабкавшись по отвесному утесу с помощью кошек. Добравшись до вершины, его люди остановились перед палисадом противника, не зная, как его преодолеть. «А ну, пустите меня!» — сказал генерал и, хватая своих солдат за штаны, одного за другим побросал их через палисад прямо на поверженного в ужас противника. Маневр, достойный Гаргантюа.

В термидоре 2-го года Республики (1794) Комитет общественного спасения назначил Дюма начальником Марсовой школы в лагере Саблон (Нейи-сюр-Сен). На первый взгляд это было большой честью. Предполагалось, что школа будет превращать сыновей санкюлотов в офицеров Республики. Но школа только что приняла самое активное участие в термидорианском перевороте, и, хотя она внесла свою лепту в дело свержения Робеспьера, Тальен все же считал опасным оставлять у ворот Парижа столь пылких молодых людей.

Через три дня после назначения Дюма школа была распущена, а генерала отправили в армию, расположенную в районе Самбры и Мааса. Два месяца спустя новое перемещение: *«Гражданин, ты назначаешься главнокомандующим Брестской армией со штаб-квартирой в Ренне. С братским приветом»*. Этот пост оказался столь же эфемерным, как и остальные.

Комиссия по организации и перемещению пехотных войск — гражданину Дюма, бывшему главнокомандующему Брестской армией, 13 фримера 3-го года единой и неделимой Французской Республики:

Гражданин, комиссия предупреждает тебя, что, поскольку ты не имеешь назначения, твое пребывание в Париже противоречит закону от 27 жерминаля. Следовательно, ты должен

выбыть в ту коммуны, которую выберешь, и уведомить комиссию о своем месте жительства. С братским приветом,

Комиссар Л.-А. Пиль.

Дюма устал от бесцельных переездов и нереальных назначений. Смелый человек, он любил сражаться и побеждать; человек открытый, он ненавидел интриги и подозрения. Он подал в отставку и уехал к родителям жены, в Вилле-Коттре, где и провел восемь первых месяцев 1795 года. Он жил там безмятежно и счастливо до тех пор, пока 14 вандемьера 4-го года Республики Конвент, боявшийся «золотой молодежи», не вспомнил о военачальнике, пользовавшемся репутацией человека честно-го и надежного. Дюма, не медля ни минуты, сел в карету, но прибыл в Париж с опозданием на день. Конвент уже успели спасти другие генералы-якобинцы, в их числе и молодой человек с римским профилем по имени Наполеон Буонапарте.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Генерал Бонапарт и генерал Дюма

Директория захватила власть, но популярности она не приобрела. Страна была разорена. Только война могла придать этому балаганному правительству какое-то подобие престижа. Поэтому директора обратились к извечной мечте французских королей — завоеванию Италии. Главнокомандующим Итальянской армией был назначен Буонапарте. «Генерал вандемьер» мог рассчитывать на признательность Барраса, одного из директоров, который, в свою очередь, тоже был уверен в этом художавом офицере, так как подкинул в постель корсиканцу одну из своих бывших любовниц — креолку Жозефину Богарне.

Дюма, проведя несколько месяцев в Альпийской армии, перешел в части Бонапарта, к этому времени офран-

цузившего свою фамилию. Хотя Дюма и его товарищам едва перевалило за тридцать, они считали себя старыми служаками, и им казалось оскорбительным попасть под начало желторотого юнца двадцати шести лет от роду. Но сразу же по прибытии в Италию Бонапарт с его умом и авторитетом сумел подчинить себе этих бравых вояк. Презирая людей, он относился ко всем без различия как к вещам, а не как к существам, себе подобным. Деспот по природе, он окружал себя только людьми раболепными. Он наделял славой лишь тех генералов, которым она была не по плечу.

Честный Дюма не внушал ему опасений. Поэтому, когда тот в октябре 1796 года прибыл в Милан, Бонапарт, и в особенности Жозефина, как уроженка Мартиники, любившая все, что напоминало ей о родных островах, оказали ему самый теплый прием. К тому же главнокомандующему были нужны такие люди, как Дюма. Несмотря на обильный урожай побед, Бонапарт чувствовал себя неуверенно. Директория скупилась на деньги и людей. Итальянская армия была измотана. А Дюма один стоил целого эскадрона. Его легендарные подвиги могут показаться невероятными, но тем не менее они не вымышлены. Из писем Бонапарта мы узнаем, что генерал Дюма лично отбил шесть знамен у численно превосходящего противника, что, умело допросив шпиона, он выведал планы австрийцев, что под Мантуей он остановил армию Вурмзера, — в этом бою он дважды менял подстреленных под ним коней. Подобно героям Гомера, герои итальянской кампании не были свободны от чувства соперничества. Время от времени какой-нибудь новый Ахилл в трехцветной перевязи удалялся в свой шатер. Всякий раз, когда Дюма почитал себя обиженным, он грозил подать в отставку. Однако Бонапарт хорошо знал, что его легко умиротворить, поручив ему опасное дело. Для этого богатыря было настоящим счастьем очутиться одному в толпе врагов, победить их силой и ловкостью

и остаться хозяином поля. Если бой велся за правое дело, господин Человеколюбец убивал, не испытывая угрызений совести. В его отваге чувствовался вызов. Да, он «цветной», это так, но он этим горд и хочет быть во всем первым.

Генерал Тибо, служивший с ним, оставил нам такой его портрет:

Под началом Массена служил еще один дивизионный генерал, мулат, по фамилии Дюма, человек весьма способный и, кроме того, один из самых смелых, самых сильных и самых ловких людей, мною виденных. Он пользовался необычайной популярностью в армии: все только и говорили что о его рыцарской отваге и невероятной физической силе... И все же, несмотря на его храбрость и на все его заслуги, из бедняги Дюма, которого можно было назвать лучшим солдатом своего времени, генерала не получилось.

Дюма и вправду скорее слыл хорошим рубакой, чем искусным стратегом, но Бонапарт нуждался только в рубаках. Стратегию он брал на себя.

Ознакомившись с подлинными мемуарами свидетелей, убеждаешься в том, что знаменитая стычка под Клаузенотнюдь не выдумка: генерал у въезда на Бриксенский мост действительно задержал в одиночку целый эскадрон. Мост был очень узким, и на Дюма могли наступать одновременно не больше двух-трех человек. Едва они приближались, он разил их одного за другим. Сам он был трижды ранен, плащ его в семи местах пробиты пули, но наступление врага он остановил. После такого подвига солдаты готовы были идти за ним хоть на край света. Австрийцы прозвали его Черным Дьяволом. Генерал Жубер, его друг и начальник, почитал его новым Баярдом. Но Александр Бертье, офицер генерального штаба и правая рука Бонапарта, относившийся с неприязнью к боевым генералам, всячески старался опорочить Черного Дьявола перед главнокомандующим. И тот неко-

торое время отказывался признать заслуги героя. И вновь вскипел гнев Ахилла. Однако Дюма совершил столько подвигов, что Бонапарту пришлось все же приказать Жуберу: «Пришлите ко мне Дюма».

Дюма, почитавший себя обиженным, отказался идти. Французская революция не прошла бесследно для армии, и таким генералам, как Гош, Марсо и Дюма, славившимся своими республиканскими симпатиями, чувство независимости явно мешало соблюдать дисциплину. С другой стороны, Дюма, у которого порывистость, как это характерно для жителей Антильских островов, сочеталась с приступами апатии, по временам охватывало глубокое отвращение ко всему окружающему. И при первой же неприятности он с тоской вспоминал о Вилле-Коттре и посылал в штаб прошение об отставке. К счастью, его адъютант был начеку и всегда прятал прошение в ящик. Когда же наконец Дюма явился в штаб-квартиру, Бонапарт встретил его с распростертыми объятиями.

— Добро пожаловать, тирольский Гораций Коклес! — сказал главнокомандующий.

Прием был настолько лестным, что славный Дюма не стал упорствовать в своей обиде. Он тоже протянул руки, и они братски обнялись. Бонапарт назначил Дюма губернатором провинции Тревизо. Дюма сумел завоевать горячую любовь населения и, уезжая, получил благодарность от муниципалитетов Местре, Кастельфранко и других городов за мудрое и мягкое правление. Он вполне заслужил, чтобы о нем сказали, как позже о другом французском генерале: «Приехав к нам врагом, он уезжает всеми любимым другом». Бонапарт в это время с триумфом въезжал в Париж.

После подписания мира с Италией генерал Дюма получил отпуск. 20 декабря 1797 года он вернулся к своей семье в Вилле-Коттре. Маленький городок, столь процветавший десять лет тому назад, пришел в упадок. Двор герцога Орлеанского давал работу всему городу. Теперь

в Вилле-Коттре больше не появлялись знатные вельможи со свитой, не приезжали богатые путешественники. Прекратилась охота в лесу. Гостиница «Щит» пустовала. Лабуре, на котором лежало бремя забот о дочери и внучке, решил закрыть гостиницу, «только пожиравшую его сбережения», и жить скромно на деньги, скопленные за годы процветания.

С приездом зятя-генерала, важной персоны в армии Республики, возникли новые планы на будущее. Клод Лабуре продал все движимое имущество гостиницы «Щит» за 1340 франков. Генерал Дюма со своей стороны расстался с пятью из шести лошадей, составлявших его личную конюшню, и выручил за них 980 ливров и 10 су. В 1798 году Лабуре снял за 300 ливров в год скромный, но довольно просторный дом, в котором с того времени и жила вся семья.

А меж тем в Париже Бонапарт становился надеждой всех французов. Чтобы успокоить Директорию, он объявил, что отныне у него одна мечта: прогнать англичан из Египта, а если удастся, то и из Индии. «Лишь на Востоке, — говорил он, — есть еще территории достаточно обширные, чтобы основать империю, достойную древних». Не будь Бонапарта, Директория никогда не возымела бы столь фантастических прожектов. К тому же директора, побаивавшиеся победителя, надеялись таким путем удалить Бонапарта из Франции. 12 апреля 1798 года Бонапарт стал главнокомандующим Восточной армией.

Он тотчас же призвал к себе Дюма. Он считал, что Дюма слишком честен, чтобы быть по-настоящему умным, но очень хотел поручить этому генералу, умевшему, как никто другой, увлечь за собой солдат, командование кавалерией в Египетском походе. И Дюма снова прощается с родными и догоняет своего командира в Тулоне.

Бонапарт принял его, лежа в постели, в их общей с Жозефиной спальне. Жозефина, прикрытая одной простыней, плакала.

— Вы только подумайте, генерал, — сказал Бонапарт, — она забрала себе в голову сопровождать нас в Египетском походе! Вот вы, Дюма, разве вы берете с собой жену?

— Конечно нет! Я думаю, она бы меня очень стесняла.

— Если нам придется провести там несколько лет, — сказал Бонапарт, — мы пошлем за женами. Дюма, который делает одних девчонок¹, и я, которому и это не удастся, приложим все силы, чтобы сделать по мальчишке. Он будет крестным отцом моего сына, а я — его.

И он ласково похлопал Жозефину по округлостям, вырисовывавшимся под простыней.

Жозефина утешилась. Она всегда быстро утешалась, даже, пожалуй, чересчур быстро.

Выходя от Бонапарта, Дюма встретил Клебера, с которым был дружен.

— Кстати, ты не знаешь, для чего мы туда едем? — спросил Дюма.

— Чтобы дать Франции новую колонию, — ответил Клебер.

— Вовсе нет. Чтобы дать ей нового короля.

— Не спеши, — сказал Клебер, — поживем — увидим.

— То-то и оно, что увидим.

Честный Дюма был прав. Эта грандиозная и бессмысленная авантюра была нужна только одному человеку, который хотел таким образом поднять свой престиж. Оказавшись в Египте полновластным и бесконтрольным хозяином, Бонапарт «вел себя там как султан». Отношения новоиспеченного властителя и республиканского генерала за эту кампанию вконец испортились. Дюма проявил себя таким же смельчаком, как всегда. Кавалеристы, которых он вел в наступление, отбросили мамелюков к Нилу. Когда он, вздымая на дыбы лошадь, размахивал

¹ 13 февраля 1796 года генеральша Дюма произвела на свет еще одну девочку, Луизу-Александрину, которая умерла, когда ей не было и года. (Здесь и далее примеч. авт.)

саблей над головой, даже самые храбрые арабы с криком: «Ангел смерти!» — в ужасе кидались врассыпную.

Но вскоре победоносную армию обуяло уныние.

Дюма — Клеберу, 9 термидора 6-го года:

Наконец-то мы прибыли, мой друг, в эти края, куда так стремились. Бог мой, как не похожи они на то, что рисовалось в воображении даже самым трезвым людям!

Не терпится узнать, как ты себя чувствуешь и когда сможешь снова принять командование дивизией, которая сейчас в очень плохих руках. Мы тебя очень ждем. Люди у нас вконец распустились. Я делаю все, что в моих силах, чтобы хоть как-то добиться порядка, но ничего не получается. Солдатам не платят денег, их не кормят, и ты можешь себе представить, какой это порождает ропот...

Генералы не понимали целей войны и опасались, как бы Бонапарт не использовал их для удовлетворения своего честолюбия. Как-то в палатке Дюма несколько человек собрались полакомиться арбузами — и тут впервые прозвучали вопросы: «Стоило ли покидать Францию, ее густые леса и плодородные равнины ради этого огнедышащего неба и голых пустынь? Уж не империю ли хочет основать Бонапарт на Востоке?.. Пристало ли старым солдатам нации, патриотам 1792 года, служить интересам одного человека?»

У каждого честолюбца есть своя полиция, и один из присутствующих немедленно доложил властителю об этих разговорах. И с тех пор главнокомандующий стал называть тирольского Горация Коклеса не иначе как «*этот черномазый*». Вот как генерал Бонапарт описывает свое столкновение с Дюма Деженету, главному врачу Египетской армии:

Когда я прибыл в Гизу, мне сообщили, что в армии есть недовольные и что многие генералы к ним присоединились; они даже утверждали, будто заставят меня прекратить наступление. Я знал, что Дюма был одним из заводил и что Мюрат

и Ланн с ним заодно. Я приказал позвать Дюма и сказал ему: «Я знаю обо всем. И если бы я верил в то, что вы или ваши единомышленники хоть на минуту всерьез думали осуществить ту чепуху, которую вы забрали себе в головы, я немедленно отдал бы приказ страже расстрелять вас у меня на глазах; потом я собрал бы моих гренадеров, чтобы вас осудить; я покрыл бы позором ваши имена...» Тут Дюма заплакал, и я понял, что он добрый малый и действовал по чужому наущению. Впрочем, он никогда не отличался особым умом. К тому же я давно забыл все это...

Сын генерала Дюма в своих «Мемуарах» тоже рассказывает об этом случае. По его версии, Бонапарт якобы сказал Дюма:

— Генерал, вы пытались деморализовать армию... Вы произносили бунтарские речи. Смотрите, как бы мне не пришлось выполнить свой долг! Ваш высокий рост не помешает мне расстрелять вас через два часа.

Александр Дюма утверждает, что отец его смело ответил:

— Да, я говорил, что ради чести и славы моей родины я согласен обойти весь земной шар, но, если бы речь шла об удовлетворении ваших прихотей, я и шагу не сделал бы.

— Значит, вы не дорожите мною и готовы меня покинуть?

— Да, как только я уверюсь, что вы не дорожите Францией.

— Вы ошибаетесь, Дюма.

Разговор этот не так уж неправдоподобен. Дюма был храбр, а Бонапарт в хорошем настроении — снисходителен.

Как бы там ни было, Дюма продолжал вести себя героически: он подавил восстание в Каире, первым вошел в великую мечеть и отослал захваченные сокровища Бонапарту.

Дюма — Бонапарту:

Гражданин генерал, как леопард не может сменить шкуры, так и честный человек не может изменить своей совести. Посылаю Вам только что захваченные мною сокровища, оцененные в два миллиона. Если я буду убит или умру от тоски, вспомните, что я беден и что я оставил во Франции жену и ребенка. С братским приветом.

Но в душе Дюма уже охладел к войне. Красавца-мулата охватила ностальгия, столь частая у креолов. Он попросил разрешения вернуться во Францию. Сделать это было нелегко: на Средиземном море хозяйничали англичане. Бонапарт, который был не прочь избавиться от недовольного генерала, разрешил Дюма уехать. Но даже если бы он и хотел предоставить ему корабль, он все равно не смог бы этого сделать. В конце концов Дюма зафрахтовал маленькое суденышко «Бель-Мальтез» и с несколькими товарищами вышел в море. Капитан обещал доставить их во Францию. Но оказалось, что «Бель-Мальтез» не годится для плавания в открытом море, и, когда стала собираться буря, путешественники укрылись в ближайшей бухте: это оказался порт, принадлежавший Неаполитанскому королевству.

Бедный Дюма, до которого в Египте не доходили новости из Европы, в своем неведении полагал, что Партенопейская республика, основанная на заре Французской революции неаполитанскими патриотами, примет его с большим почетом. На самом же деле республика прекратила свое существование: после Абукирской катастрофы англичане и австрийцы содействовали реставрации Бурбонов в Неаполе. В Таренте республиканский генерал попал в руки правительства авантюристов, которое призывало вести против Франции негласную войну, прибегая к отравлениям и убийствам. Вскоре генерала перевели в Бриндизи, и тут он понял, что его жизнь в опасности.

На следующий день после моего приезда в замок Бриндизи, когда я прилег отдохнуть, через прутья зарешеченного ок-

на ко мне в комнату влетел большой пакет и упал на пол. В нем было два тома книги Тиссо под названием «Сельский врач». Записка, вложенная между страницами, гласила: «*От патриотов Калабрии: смотри слово „ЯД“*». Я отыскал это слово в тексте: оно было дважды подчеркнуто. Я понял, что мне грозит опасность...

Прошло несколько дней... Тюремный врач посоветовал мне есть бисквиты, размоченные в вине, и вызвался мне их прислать. Через десять минут после его ухода принесли обещанные бисквиты. Я точно выполнил его предписание, но к двум часам пополудни у меня начались такие сильные спазмы в желудке и рвота, что я не смог обедать. Приступы боли все усиливались, и я лишь чудом не отправился на тот свет. Характер спазм и рвоты свидетельствовал об отравлении мышьяком...

В результате я почти оглох, полностью ослеп на один глаз, и меня разбил паралич... Эти симптомы одряхления появились у меня в тридцать три года и девять месяцев, что явно доказывает, что в мой организм ввели какой-то яд...

В конце концов 5 апреля 1801 года генерала Дюма по случаю перемирия обменяли на знаменитого австрийского генерала Мака. Он вышел из тюрьмы изувеченным, полупарализованным, с язвой желудка. Тюрьма превратила атлета в калеку. Много воды утекло за время его заключения. Бонапарт разогнал Советы, сверг Директорию, одержал в Италии победу при Маренго и отправил Мюрата освобождать Рим и Неаполь. Во Флоренции Дюма вновь встретился с Мюратом, своим верным другом и товарищем по оружию. Прославленные кавалеристы бок о бок сражались в Италии и Египте. Мюрат, как и Дюма, сердечный человек и истинный рыцарь, с готовностью протянул руку помощи поверженному судьбой герою. И хотя он теперь был зятем первого консула, чью младшую сестру Каролину пленили его храбрость, любовь и красота, Мюрат пренебрег злопамятством Бонапарта и сделал для своего друга все, что мог. Благодаря ему Дюма удалось послать из Флоренции курьера в Вилле-Коттре.

*Дивизионный генерал Дюма — гражданке Дюма,
Флоренция, 8 флореаля 9-го года Республики:*

Всего час назад, моя любимая, я встретился с нашим достойным другом Мюратом. Из-за своего доброго отношения к тебе он стал мне самым дорогим другом, и я до конца дней своих не устану выказывать ему благодарность. Я отправляю отсюда, как я тебе уже писал, памятную записку консулу с перечнем тех мучений, которые я претерпел по вине презренного неаполитанского правительства. Я не хочу описывать это в подробностях, потому что не должен огорчать тебя, — ты и без того достаточно истерзана долгими лишениями. Надеюсь, что через месяц я смогу наконец пролить бальзам утешения на твою удивительную душу. Я видел все твои письма генералу Мюрату и Бомону и то письмо, в котором моя обожаемая Эме пишет о своей красивой маминьке (sic!), я покрыл его тысячью поцелуев, так же как и те строки, которые ты приписала. Не могу выразить, насколько я тебе благодарен за то, что ты столь же горячо привязана к девочке, как и я, о чем свидетельствует твоя забота о ее воспитании. Благодаря такому поведению, поистине достойному тебя, ты стала мне еще дороже, и я не дождусь часа, когда смогу выразить тебе свои чувства. До свидания, моя возлюбленная жена, отныне тебе будет принадлежать еще большее место в моем сердце, потому что пережитые нами несчастья лишь укрепили связывающие нас узы. Поцелуй наше дитя, дорогих родителей, а также всех наших друзей. Безгранично преданный тебе

Ал. Дюма, дивизионный генерал.

Генерал был столь любезен, что поручил своей супруге передать тебе 50 луидоров; ты сможешь послать за ними сразу же по получении письма.

«Супругой» этой была Каролина Бонапарт. Бедный Дюма не подозревал еще ни о своей опале, ни о той пропасти, которая отделяла семью, ставшую самодержавной, от тех, кто пять лет назад были ей равны.

Орфография письма сомнительная, пунктуация — ужасная, но стиль очарователен и напоминает нам письмо генерала Гюго. Эти солдаты, надолго оторванные от

своих семей, проникались к ним самой трогательной любовью. Жены, дети становились для них тем дороже, чем более недостижимы они были. А Дюма, перенесшему немало страданий в Египте и еще больше в тюрьме, мирный семейный очаг в Вилле-Коттре, любящая жена и по давню должны были казаться раем. Госпоже Гюго, романтической бретонке, выданной замуж против воли, супружеская жизнь представлялась малопривлекательной; генеральша Дюма, мягкая и мудрая уроженка Валуа, сама выбрала себе мужа и любила его всем сердцем.

1 мая 1801 года генерал прибыл в дом Лабуре и свиделся наконец со своей молодой женой, дочерью восьми лет и родителями жены, которые начинали стареть. У изувеченного геркулеса не было ни гроша за душой; тюремщики отняли у него все деньги, которые он имел при себе, а жалованья за последние два года он так и не получил. Ну и что с того? Разве он не генерал Дюма, храбрец из храбрецов? Разве у него нет чина, нет прав? Разве у него не осталось в армии надежных друзей, таких как Мюрат и особенно Брюн, сохранивший верность республиканским идеалам? Он бомбардировал военные канцелярии письмами. Тщетно! Бонапарт никогда не прощал недостаточную преданность своей персоне. Главному врачу Деженету, который, обследовав Дюма, нашел, что он очень плох, и хлопотал за него, первый консул написал:

Так как вы считаете, что по состоянию здоровья он уже не сможет спать по шесть недель кряду на раскаленном песке или в трескучие морозы на снегу, прикрывшись лишь медвежьей шкурой, то как кавалерийский офицер он мне больше не нужен. Его с успехом можно заменить первым попавшимся капралом...

Изгнанник осмелился обратиться к самому властителю.

Моруа А.

М 80 Три Дюма : романизованная биография / Андре Моруа ; пер. с фр. Л. Беспаловой, С. Шлапоберской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 576 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-16274-7

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизованных биографий Жорж Санд, Бальзака, Виктора Гюго, Шелли и Байрона, считается подлинным мастером психологической прозы. Он создал целый литературный пантеон. И особое место в нем занимает тройной портрет: генерала Дюма Дави де ля Пайетри и двух знаменитых Александров — Дюма-отца и Дюма-сына. Это также портрет девятнадцатого века, ибо, по словам Моруа, «на фоне целого столетия семейство Дюма разыгрывало на сцене Франции прекраснейшую из драм — свою жизнь».

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

АНДРЕ МОРУА
ТРИ ДЮМА

Ответственный редактор Анна Сарафанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Хуторная, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.06.2019. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3500 экз. Усл. печ. л. 30,24.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-AUM-24716-01-R